

Россия и сербо-болгарские коллизии

Провозглашение независимости Болгарии в 1908 г. открыло новую страницу в истории национальной государственности болгарского народа, но одновременно по-новому поставило вопрос о поиске внешнеполитических союзников и других международных рычагов для решения очередных задач национально-государственного строительства. После 1878 г., когда в результате победы России в русско-турецкой войне были заложены ключевые основы болгарской государственности, в расстановке сил в Европе произошли коренные изменения, ознаменовавшие приход на смену «концерту великих держав» двух противостоящих друг другу военно-политических блоков, каждый из которых был заинтересован иметь в своих рядах Болгарию. Подобная ситуация, с одной стороны, порождала новые вызовы и искушения для Болгарии, а с другой – была чревата глобальными потерями для ее интересов в случае «неправильного» геополитического выбора.

К началу первой Балканской войны в регионе настоятельно чувствовался дефицит международно-правовых установлений. Положения Берлинского трактата 1878 г. уже мало соответствовали сложившимся реалиям, а Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор от того же года так и не вступил в силу, породив незаживающую рану в душе болгар – рану, которая отозвалась потоками крови в Межсоюзнической войне 1913 г. и постоянным стремлением Софии создать антисербский военный альянс с участием любых подходящих балканских сил, в том числе албанских отрядов.

Не случайно все четыре вилайета Османской империи со значительным албанским населением – Косовский, Скутарийский (Шкодринский), Янинский и Битольский – имели еще одну общую характерную особенность. Они являлись объектом территориальных притязаний соседних балканских государств – Сербии, Черногории, Болгарии и Греции, каждое из которых приводило свои, зачастую достаточно убедительные, исторические, демократические, политические, экономические, военные и культурно-религиозные аргументы в свою пользу. Со своей стороны, албанские лидеры еще во время работы Призренской лиги 1878–1881 гг. предъявили Порте требование объединить все четыре вилайета в одну административную единицу, дабы противостоять планам и стремлениям православно-славянского окружения.

Переговоры о заключении Балканского союза под покровительством России с участием Сербии, Болгарии и Греции стали самой значимой по-

пыткой трех государств региона того времени достичь своих военно-политических целей совместными усилиями при закреплённом в договоре обязательстве Сербии и Болгарии предоставить все спорные вопросы будущего разграничения на усмотрение российского императора. Это, с одной стороны, свидетельствовало о росте авторитета России, но, с другой, грозило Петербургу вовлечением в будущие сербо-болгарские политические споры и даже военные конфликты вокруг дележа «турецкого наследства». Ситуация осложнялась активизацией на Балканах албанского фактора, который должны были учитывать Белград и София. Как подчеркивал тогдашний российский поверенный в делах в Сербии В. Н. Штрандтман, проявляемая турками «по отношению к албанцам крайняя уступчивость будет иметь последствием предъявление и со стороны христиан Македонии повышенных требований, до автономии включительно, которые, как известно императорскому правительству, могут встретить в Болгарии только сочувственный отклик, но вместе с тем явятся новой серьезной угрозой для мира на Балканском полуострове»¹.

Антисербские настроения среди албанцев питались не только их собственными национальными устремлениями, входившими в противоречие с территориальным расширением Сербии, и дипломатическими усилиями государств Центрального блока, но и активностью балканских соседей, среди которых ведущая роль принадлежала определенным болгарским кругам. Уже в 1903 г. — в период Илинденского восстания — тесные связи установились между албанскими и македонскими лидерами. Дополнительный импульс они получили во время младотурецкой революции 1908 г. В первую очередь это относилось к Временной македонской революционной организации (ВМРО) и ее легальной структуре в Османской империи в лице Народной федеративной партии во главе с Димитром Влаховым и Янетом Санданским и левому крылу албанского национального клуба². Подобные контакты полностью отвечали интересам Софии, где рассчитывали, что предоставление автономии албанцам сделает более вероятным аналогичный сценарий и в отношении Македонии, и начали оказывать содействие албанским лидерам уже во время албанского антитурецкого восстания в 1910 г.³.

Пытаясь воспрепятствовать укреплению связей по линии «Албания–Македония–Болгария», правительство Сербии убеждало Софию в том, что появление на балканской карте самостоятельного Албанского государства представляет для болгарских интересов едва ли не меньшую угрозу, чем для сербских, ибо, как планировали в Вене, в ее состав должны войти не только Старая Сербия, но и три четверти Македонии. Болгарские власти не вняли предупреждениям Белграда, что, однако, не помешало двум государствам заключить антитурецкий союз. В результате напряженных переговоров на свет 13 марта 1912 г. появился сербо-болгарский договор о дружбе и союзе с

секретным приложением, предусматривавшим совместное вооруженное выступление Болгарии и Сербии против Турции и последующий раздел Македонии. Разрешение всех возможных спорных вопросов возлагалось на верховный арбитраж российского императора⁴. 29 мая 1912 г. Балканский союз в результате подписания аналогичных болгаро-греческих документов пополнился Афинами, а в сентябре 1912 г. — Черногорией.

Эти документы не только легли в основу действий союзников в первой Балканской войне, но и послужили основой для последующих все более ожесточенных дискуссий на предмет раздела турецкого наследства, которые в итоге летом 1913 г. вылились не в российский арбитраж, а в новые кровопролитные сражения, на этот раз между недавними союзниками.

Российская сторона из всех сил пыталась отвратить балканских союзников от войны, но те, хотя на словах и выказывали преданность своей «исконной покровительнице», тем не менее, не скрывали своих истинных намерений. Как сообщал в августе 1912 г. в Петербург российский поверенный в делах в Афинах князь С. Л. Урусов, «болгарский посланник, г-н Хаджи-Мишев, не пропускал случая повторять мне, что Болгария ничего без поддержки России не предпримет, и что раз до сих пор лозунг остается прежний — соблюдение статус-кво, то и болгарское правительство, правда, скрепя сердце, не будет его нарушать. Но вчера посланник высказал мне, что события в Албании и Македонии поведут, по его мнению, к такому нарушению статус-кво, что о дальнейшем соблюдении его кем бы то ни было из балканских государств не может быть и речи»⁵.

12 августа 1912 г. российский дипломатический представитель в Софии А. В. Неклюдов имел разговор с главой болгарского правительства И. Гешовым, в ходе которого тот попросил собеседника «не скрывать от императорского правительства, что дарование албанцам Портой известных прав, как то: территориальной воинской повинности, назначения администрации из албанцев и других, приближающихся в сущности к автономии, а в особенности распространение этих прав на все четыре вилайета — представилось бы совершенно нестерпимым для болгарского, сербского и греческого населения этих вилайетов (Косовский, Скутарийский, Янинский и Битольский. — П. И.). В Македонии, Старой Сербии и Эпире начались бы самая страстная агитация и возобновление усиленной деятельности революционных комитетов и банд, дабы добиться распространения этих прав и на неалбанское христианское население. Болгарское правительство наряду с Сербией и Грецией поставлено было бы в самое безвыходное положение и принуждено поэтому заранее установить обеспечение и болгарскому населению тех же прав, которые будут предоставлены Портой албанцам»⁶.

Подобная ситуация обрекала на неудачу все попытки России и других великих держав удержать балканские страны от военных соблазнов. Как

позднее вспоминал российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов, «достигшие полного объединения в военном отношении, балканские союзники горели желанием помериться силами с исконным врагом и свести с ним окончательные счета за вековое и безжалостное угнетение», и побудить их согласиться на очередную коллективную попытку великих держав добиться выполнения Турцией много раз обещанных и никогда не выполнявшихся до конца реформ не представлялось возможным»⁷.

Справедливости ради следует отметить, что причины второй Балканской войны коренились не только в сфере собственно сербо-болгарских споров вокруг македонских земель. Их следует также искать в событиях Адриатического кризиса осени 1912 г. и развитии ситуации вокруг албанских земель. Вполне точным представляется в данной связи мнение историка Сиднея Фей о том, что «хотя албанский компромисс» (речь идет о решениях Лондонского совещания послов великих держав об административном устройстве и границах Албании. — *П. И.*) предотвратил опасность немедленной войны между великими державами, он оставался весьма тревожным фактором балканской политики... Он явился косвенной причиной братоубийственного сербо-болгарского конфликта в июне 1913 г. (вызванного не в последнюю очередь крахом надежд Сербии на территориальное расширение в направлении Адриатики. — *П. И.*) и привел к новому австро-сербскому кризису в ноябре того же года»⁸.

Итоги Балканских войн оказались в целом благоприятными для Сербии. Ее территория увеличилась с 48,3 до 87,3 тыс. км², а население — с 2912 до 4444 тысяч человек⁹. В ее состав по Бухарестскому мирному договору были включены важные в стратегическом отношении и выгодные с точки зрения хозяйственного использования земли в Македонии и Косово («Старой Сербии» по сербской терминологии). Значительно вырос международный авторитет Сербии и особенно ее армии; прежде всего, в глазах других югославянских народов. Не стоит недооценивать и политическое значение Балканских войн, особенно в контексте начавшегося менее чем через год общеевропейского военного пожара. По образному выражению британского исследователя Г. Мартела, ставшие предтечей первой мировой войны две Балканские войны 1912–1913 гг. и их урегулирование оставили в регионе «угрожающее наследие. Победители — ставшие большими по территории и более мощными — остались неудовлетворенными: удвоившаяся в размерах Сербия все еще оставалась изолированной от моря и сделала явными свои симпатии к сербам Австро-Венгрии, которых она рассматривала как угнетаемых братьев; Греция, расширившаяся настолько, что включила в свой состав почти все территории, большинство населения которых говорило по-гречески, смотрела поверх своих границ на «великую Грецию», включающую Константинополь и существенные части Малой Азии. Австро-Венгрия и Турция имели веские основания считать, что новые опасности еще впер-

ди. А Болгария, что неудивительно, была озлоблена катастрофами предыдущего года — она потеряла 25 тысяч человек и была поставлена на грань революции»; теперь же «ситуация предоставляла ей возможность пересмотреть вердикт 1913 г.»¹⁰.

Привлекательность балканского региона для «сильных мира того» определялась двумя обстоятельствами: незавершенностью процессов национально-государственного строительства и конфигурацией географической карты. Пожалуй, точнее всего данную особенность Балкан, выступавших и субъектом, и объектом исторических процессов, выразил югославский историк М. Скакун, указавший, что «Балканский полуостров представлял собой часть Европы, где отсталые социальные отношения сохранялись намного дольше после того, как они были преодолены в других частях Европы», а это усиливало экономическую отсталость региона¹¹. Вместе с тем, по словам историка, «его географическое положение, которое «открывает ворота трех континентов», сделало Балканы постоянной целью великих держав», вследствие чего «за их взаимными столкновениями и договоренностями относительно данного региона можно следить непрерывно, начиная с середины прошлого века... (XIX в. — П. И.)»¹². По его словам, в мире нет другого региона, в котором за последние сто лет происходило бы такое количество крупных и менее значительных войн, вооруженных столкновений, мятежей и восстаний. Вместе с тем, анализируя конкретную международную ситуацию в регионе, он приходит к выводу, что ««балканская бочка с порохом» не являлась результатом воли самих балканских народов, а скорее выступала преимущественно как следствие эгоистических интересов великих держав. С другой стороны, интересы балканских народов являлись во всех исторических ситуациях более или менее схожими, а то и идентичными, но их правители толкали народы к взаимным столкновениям»¹³.

Неспособность Сербии не только договориться с Софией, но и обеспечить благоприятное отношение общественного мнения Европы к своим планам в албанском вопросе не в последнюю очередь была связана с тем обстоятельством, что, как во многом справедливо подметил сербский историк Д. Джорджевич, сербское руководство само не имело ясного представления о том, как следует решать албанский вопрос на тех землях, которые стали театром боевых действий в первую Балканскую войну: «Сербское правительство придерживалось точки зрения, что албанцы вообще не являются народом, а представляют собой лишь разобщенные и находящиеся в кровной вражде племена без общего языка, письменности и веры». Исходя из этого, в Белграде были уверены, что сербы возвращаются в свое отечество, которого они лишились четыре столетия назад, потеряв в противостоянии с турками Скадар и Северную Албанию. Албанцы же выступали на стороне турок, и потому сейчас (в 1912–1913 гг.) должны разделить их судьбу»¹⁴.

Из национальных албанских лидеров того времени Белград поддерживал достаточно тесные финансово-политические контакты лишь с богатейшим землевладельцем Эссад-пашой Топтани, являвшимся единственным сербским союзником на пестрой албанской сцене. Эссад был заинтересован в получении поддержки со стороны Сербии для реализации своей главной задачи – стать правителем Албании, которая, по его мнению, должна была быть мусульманской и не находиться под влиянием Австро-Венгрии. И, несмотря на то, что Вена, Рим и София активно пытались перетянуть Топтани на свою сторону, он в целом оставался верен своим обязательствам в отношении Сербии.

Вторая Балканская война стала, пожалуй, крупнейшим искушением для Эссада. Стремясь свести счеты со своей недавней союзницей, София стремилась сделать ставку на албанских лидеров – в первую очередь, группировавшихся вокруг Исмаила Кемали. В обмен на их вооруженное выступление против Сербии им были обещаны территориальные компенсации за счет сербских земель. Расчеты Софии строились на том, что восставшие против Сербии албанцы провозгласят автономию на территории Македонии, а затем Болгария аннексирует интересующие ее районы под предлогом обеспечения безопасности. В результате реализации данного плана, говоря образными словами сербского историка Душана Батаковича, «через Македонию пройдет албано-болгарская граница». С военной же точки зрения болгарский Генеральный Штаб рассчитывал на 20 тысяч албанских штыков из Старой Сербии и Македонии, которые после первой Балканской войны нашли прибежище в Албании. Повести это войско в антисербские сражения должны были заседавшие к тому времени в албанском правительстве во Влере Хасан Приштини и Иса Болетини. Временное албанское правительство распорядилось задержать на албанской территории беженцев из Старой Сербии, аргументируя это тем, что вскоре их земли будут освобождены из-под власти Сербии¹⁵.

Болгарские комитаджи активно готовили албанские отряды для партизанских действий внутри Сербии; оружие и финансовые средства исправно поступали из Вены. Единственной силой на пестрой албанской сцене, способной противостоять попыткам албанских лидеров спровоцировать антисербское восстание в Косово и Македонии с тем, чтобы потом прийти на помощь соплеменникам, оставался в создавшейся ситуации Эссад-паша.

Эссад остался верен союзническим обязательствам в отношении Сербии и не только отказался присоединиться к албанским главарям, но и держал сербское правительство в известности о происходящем¹⁶.

В итоге организовать скоординированное албанское выступление против Сербии не удалось. Против него выступил Эссад-паша, и его влияния хватило для нейтрализации усилий и Болгарии, и Австро-Венгрии с Италией. Две последние великие державы действовали в унисон с Софией,

пытаясь через своих агентов в лице священников и школьных учителей натравить албанцев на Сербию, а заодно дискредитировать Эссада как главного противника данных усилий¹⁷. В результате в мае–июне 1913 г. дело ограничилось разрозненными нападениями на сербские пограничные посты и отдельные передовые отряды.

Подписание Бухарестского мирного договора не успокоило страсти в венских, римских и софийских политических и военных коридорах. Правительство Австро-Венгрии направляло суда с оружием в Албанию, а болгарские комитаджии обучали албанские вооруженные отряды навыкам партизанской войны. Со своей стороны, сербское правительство, осведомленное о происходившем в албанском лагере, в том числе через Эссада, направило на переговоры с албанскими лидерами Богдана Раденковича. Однако он не преуспел в посреднической миссии, и правительство Пашича по-прежнему могло рассчитывать лишь на Эссада, который единственный из албанских вождей не ориентировался однозначно на настроенные антисербски Вену, Рим или Константинополь¹⁸.

20 сентября 1913 г. албанские вооруженные отряды численностью до 10 тысяч человек пересекли намеченную Лондонскими соглашениями сербо-албанскую границу по трем направлениям. Военные действия охватили как районы собственно Албании, находившиеся под контролем сербских войск, так и территории Западной Македонии и Старой Сербии, которые согласно решениям Лондонского совещания послов великих держав были присоединены к Сербии. В последнем случае главными целями албанцев стали города Джяковица и Призрен.

Во главе отрядов стояли известные албанские вожди Иса Болетини, Байрам Цурри, Риза Бей, Элез Юсуф и Кьясим Лика. Они действовали по прямому распоряжению Исмаила Кемали, который заверил их в поддержке со стороны Австро-Венгрии и Италии и пообещал, что все занятые в результате наступления территории станут частью Албании. Непосредственное командование частями осуществляли офицеры болгарской армии.

Находившиеся на границе малочисленные и слабовооруженные сербские гарнизоны и несколько подразделений жандармов понесли серьезные потери и были вынуждены отступить. На южном направлении албанские отряды, ведомые болгарскими комитаджиями и четами Внутренней македонской революционной организации (ВМРО), сумели занять Охрид и Стругу и продвинулись к Гостивару. 22 сентября Дебар – город с пятнадцатитысячным населением – был занят шеститысячным албанским отрядом, а сербские силы численностью в две роты отступили к Кичеву¹⁹. Сербские власти сразу же заявили о присутствии в албанских отрядах иностранных офицеров, что подтверждалось собранными ими дипломатическими и иными свидетельствами. В них говорилось о тесных связях албанских лидеров с ВМРО и, в

частности, с Янетом Санданским, который в целях подготовки совместного антисербского наступления несколько месяцев провел в Албании, в сопровождении других лидеров ВМРО²⁰.

На северном направлении отряды под командованием Исы Болетини, Байрам Цурри и Кьясима Лики заняли Люму, осадили Призрен и на короткое время овладели Джяковицей.

22 сентября Совет министров Сербии издал распоряжение о дополнительной мобилизации резервистов и направлении практически всех находившихся в Южной Сербии сербских войск к Дебару, а также для занятия стратегических пунктов на албанской территории. Была мобилизована Моравская дивизия; два полка резервистов выдвинулись к границе с Албанией из Белграда и Крушевца и составили сводную дивизию²¹. В общей сложности в боевую готовность были приведены части, насчитывавшие до 75 тысяч человек личного состава и имевшие на своем вооружении артиллерию²².

В тот же день Австро-Венгрия через сербское дипломатическое представительство в Белграде довела до сведения правительства Сербии свое видение сложившейся опасной ситуации. Сербскому посланнику в Вене было заявлено, что причиной обострения обстановки в районе сербо-албанской границы стало восстание албанцев в новых границах Сербии: «Эти мятежи и беспорядки вызвали албанцы»²³. Однако их причиной стало то обстоятельство, что сербские войска «все еще удерживают некоторые области, которые принадлежат Албании»²⁴. Кроме того, в вину сербским властям было поставлено закрытие рынков в приграничных с Албанией городах, в первую очередь, в Дебаре и Джяковице, которые албанцы «уже привыкли посещать и снабжаться на них тем, что им необходимо для жизни»²⁵. Если бы сербские войска ранее были отозваны, не было бы нынешних беспорядков и инцидентов, утверждало внешнеполитическое ведомство Австро-Венгрии²⁶.

Тем временем Эссад-паша воспользовался смутой, возникшей вследствие вторжения албанских отрядов в Сербию, и уже 23 сентября провозгласил себя правителем Албании. Этот акт объективно отвечал интересам и политике Белграда, возложившего ответственность за вторжение на сербскую территорию на правительство Исмаила Кемали в лице, прежде всего, двух его министров – Исы Болетини и Хасана Приштини²⁷.

23 сентября российский МИД получил от сербского посольства в Санкт-Петербурге следующее описание событий: «Албанцы атаковали нашу границу вдоль всего фронта, сразу же после того, как наши войска эвакуировали стратегические точки, которые мы занимали до настоящего времени и которые мы оставили в результате вмешательства великих держав. Албанцы большими массами вторглись на нашу территорию и

осадили Дибру (Дебар. – П. И.). Вслед за этим королевское правительство Сербии было вынуждено предпринять меры, упомянутые в предыдущем сообщении в адрес великих держав.

Одновременно королевское правительство обращает внимание императорского правительства на присутствие среди албанцев болгарских офицеров и считает желательным выступить с энергичными требованиями в адрес временного албанского правительства или отдать необходимые распоряжения европейским властям в Албании с тем, чтобы болгарские офицеры были немедленно удалены»²⁸.

23 сентября управляющий российским консульством в Битоли Кохманский телеграфировал на Певческий мост о новых успехах албанских отрядов: «Албанцы заняли город Дибру, покинутый сербскими властями. Сербские войска концентрируются и занимают доминирующие позиции, готовясь перейти в решительное наступление»²⁹. На следующий день Штрандтман сообщил, что «мобилизуется одна Моравская дивизия. Кроме нее к албанской границе выступили два полка мирного состава из Белграда и Крушеваца». А 25 сентября Кохманский дополнил картину: «Албанцы спустились по Дрину, остановившись перед Луковым. Местность Рекалар также занята ими. С запада замечены албанские банды, около двухсот человек, по хребту Ябланицы. Сербы насчитывают наступающих албанцев до двадцати тысяч, утверждают присутствие среди них австрийских офицеров и участие болгарских банд. Сербы готовятся к решительным действиям в Албании. Вновь назначенный командир будущей Битольской дивизии полковник Живанович примет командование»³⁰.

В Македонии албанским вооруженным отрядам удалось занять, помимо Дебара и Струги, такие крупные города как Охрид и Гостивар. Под ударами албанцев пали также Пешкопья и Жировица.

В Вене сообщения о военных успехах албанцев вызвали неподдельную радость. Местная пресса восхваляла героизм албанских отрядов и требовала пересмотреть выработанную в Лондоне пограничную линию в соответствии с изменившейся военной ситуацией. Австро-венгерские дипломаты настаивали на том, что никакого вторжения извне не было, вооруженное выступление против сербских властей вспыхнуло в границах Сербии и уже потом было поддержано албанцами с территории собственно Албании³¹.

Воодушевленный подобной поддержкой Исмаил Кемали потребовал исключить занятые албанцами земли из состава Сербского королевства и даже предложил провести по этому вопросу референдум среди населения приграничных районов. В качестве гарантов его законности и демократичности он предложил использовать самих вооруженных албанцев.

Однако плебисциту на штыках не суждено было осуществиться. В начале октября две сербские дивизии выступили из Скопье. Они остановили

албанские отряды у села Маврово и вытеснили их за пределы Королевства. Вслед за этим сербские войска пересекли «лондонскую» сербо-албанскую границу в целях их преследования³².

Тем не менее потери сербской армии оказались значительными, вследствие высокой технической оснащенности албанских отрядов, имевших на своем вооружении артиллерию и пулеметы и, по сведениям сербских официальных лиц, подчинявшихся командованию иностранных офицеров, под руководством которых и были достигнуты первоначальные успехи. По мнению сербского правительства, в подготовке вооруженных албанских выступлений принимали участие представители ряда иностранных государств, в первую очередь, Австро-Венгрии и Болгарии, о чем свидетельствовали перехваченные сербскими представителями зашифрованные телеграммы, направлявшиеся болгарскими офицерами, находившимися в Албании (в частности, в Дурресе) через Каттаро, Сараево, Будапешт и Бухарест в Софию. По сообщению сербского поверенного в делах в Риме, итальянское правительство также не отрицало присутствия среди албанцев иностранных офицеров. Что же касается косвенных данных о причастности к этим событиям итальянской стороны, то сербский кабинет решил не придавать им особого значения, несмотря на полученное от митрополита Дурреса Якова сообщение об уступке Австро-Венгрией и Италией центральному албанскому правительству артиллерийских орудий и другого вооружения, захваченного итальянскими войсками в Триполи в ходе итало-турецкой войны³³. Одновременно на сербское правительство произвело весьма благоприятное впечатление доверительно сообщенное маркизом А. ди Сан-Джулиано сербскому поверенному в делах в Риме пожелание его правительства, чтобы Сербия обнародовала заявление об отсутствии у Королевства каких-либо агрессивных намерений в отношении Албании. По мнению итальянского министра иностранных дел, подобное заявление, с одной стороны, предоставило бы великим державам возможность успокаивающим образом воздействовать на правительство Австро-Венгрии, а с другой, облегчило бы для самой Сербии занятие тех районов Албании, которые она считает жизненно важными для обеспечения безопасности своей границы. Сербское правительство последовало данному совету, и 2 октября 1913 г. было опубликовано его заявление в указанном смысле³⁴.

По мере развития кризиса на сербо-албанской границе в Белград стали поступать неблагоприятные для Сербии известия из соседней Болгарии, где была проведена частичная мобилизация, повышена боеготовность войск, находящихся на сербо-болгарской границе, а также активизировалась деятельность болгарских агитаторов среди населения Македонии, которое предупреждалось о вероятном новом вооруженном столкновении двух государств и побуждалось к восстанию в случае появления болгарских

войск на территории Сербии. В результате, сербское правительство было вынуждено, предвидя массовые выступления протеста в присоединенных к стране областях, помимо направления подкреплений на сербо-албанскую границу, еще больше увеличить количество мобилизованных воинских частей и разместить отдельную дивизию на оборонительных позициях на Овчем Поле, приведя в полную боевую готовность в общей сложности более 75 000 человек с соответствующими артиллерийскими частями³⁵.

Разгром силами регулярной сербской армии албанских отрядов, финансировавшихся и вооружавшихся австрийцами, предоставил Эссад-паше удобный повод провозгласить себя правителем Албании со штаб-квартирой в Дурресе, что и было им сделано 12 октября 1913 г. при поддержке лидеров мусульманских албанских племен и крупных землевладельцев Центральной Албании. Правительство Эссад-паши именовалось «советом старейшин Средней Албании»³⁶. Австро-Венгрия расценила данный шаг как очередное свидетельство просербской ориентации Топтани. Сербия, со своей стороны, поспособствовала Эссаду укрепить свои позиции в глазах отдельных племен, находившихся в оппозиции к временному правительству Исмаила Кемали. По данным сербского историка Душана Батаковича, союзнические отношения между Эссадом-пашой и властями Белграда никогда не были зафиксированы в специальном договоре; однако глава сербского правительства Никола Пашич отдавал своим представителям указания снабжать его оружием и деньгами. По справедливому утверждению сербского исследователя, Эссад-паша являлся для Белграда противовесом великоалбанским кругам, группировавшимся вокруг Исмаила Кемали.

В России с озабоченностью наблюдали за маневрами Эссад-паши и в особенности за попытками Сербии все глубже ввязаться во внутриалбанские коллизии. Российский поверенный в делах в Сербии Штрандтман, имевший неоднократные беседы с управляющим сербским министерством иностранных дел Спалайковичем, передал в МИД России изложение той программы, которую кабинет Пашича решил взять на вооружение в албанском вопросе.

По его сведениям, сербское правительство пришло к выводу о возможности использования внутренних неурядиц в Албании в целях решения двух задач: добиться пересмотра в свою пользу пограничной сербо-албанской линии, намеченной решениями Лондонского совещания послдов великих держав, и содействовать приходу к власти в Албании правительства, не находящегося под влиянием Австро-Венгрии и проявляющего дружеское расположение по отношению к Сербии. С этой целью оно решило оказать посильное содействие Эссад-паше, ведущему борьбу против правительства Исмаила Кемали, поставив условием

получение Сербией, в случае его прихода к власти, соответствующего увеличения сербской территории.

Сообщив Штрандтману о планах сербского правительства использовать Эссад-пашу, Спалайкович стал убедительно просить его сохранить данную информацию в строгой тайне и не сообщать ее в Петербург, из опасения крайне нежелательной для Сербии огласки. Он также привел некоторые конкретные детали указанного плана. В частности, в ближайшие же дни специальное доверенное лицо должно было отправиться из Белграда через Салоники и Афины в Дуррес. Эссад-паше, испытывающему финансовые затруднения, будут посланы необходимые денежные средства. От самого же Эссада, с которым сербское правительство уже в течение некоторого времени находилось в тесном контакте, Пашич ожидает военного разгрома и изгнания находящегося во Влере албанского правительства в лице Исмаила Кемали, а также Исы Болетини, и занятия им поста генерал-губернатора. Своим первым указом Эссад-паша должен будет признать суверенитет турецкого султана (о его лояльности к Турции свидетельствовал, в частности, флаг с орлом и полумесяцем) и согласиться на пересмотр сербо-албанской границы в соответствии с требованиями Сербии. Вслед за этим сербские войска оккупируют уступленную территорию под предлогом временного нахождения там в интересах сохранения порядка и на основании соответствующей просьбы самого Эссад-паши. Наконец, после укрепления своих позиций внутри страны, Эссад-паша должен будет провозгласить себя албанским князем.

В ответ Штрандтман обратил внимание Спалайковича на серьезные негативные последствия, с которыми неминуемо столкнется Россия в случае осуществления вышеуказанного плана, ибо великие державы единодушно и решительно выступают против подобной политики. В ответ управляющий сербским министерством иностранных дел принялся убеждать российского дипломата, что «страна не должна довольствоваться Лондонской границей, которую Австрия создала для того, чтобы Сербия не могла приступить к мирному развитию своих сил; что добрососедские отношения с Эссадом обеспечат спокойствие на Балканском полуострове; что нынешняя благоприятная минута не повторится, так как через три года Австрия перевооружится и Болгария оправится, и, наконец, что сербское правительство сумеет успокоить Европу, указав в особом обращении к державам на вынужденный и чисто временный характер принимаемых военных мер, обусловленных вторжением албанцев на сербскую территорию»³⁷. Одновременно он заявил, что сожалеет по поводу принятого несколько дней назад сербским правительством решения о выводе войск из Албании, ибо последнее албанское нападение, закончившееся взятием Дебара, могло бы быть отбито с гораздо меньшими потерями со стороны сербских войск, если бы они находились на прежних стратегических

позициях в глубине албанской территории; согласившись, однако, со своим собеседником в том, что и в этом случае Сербия не могла бы рассчитывать на свою полную защищенность от нападения албанцев, ибо численность сербского пограничного отряда, занимавшего позиции в албанских ущельях, не превышала одного батальона.

Как уже говорилось выше, информация о состоявшейся беседе была немедленно доведена Штрандтманом до сведения российского внешнеполитического ведомства, откуда он вслед за этим получил две секретные телеграммы, датированные 28 и 29 сентября 1913 г. и подписанные товарищем министра иностранных дел Нератовым. В них говорилось, что, несмотря на заявления Спалайковича о якобы строго секретном характере сообщения, он поделился своими соображениями относительно нового направления сербской политики в албанском вопросе также с итальянским дипломатическим представителем в Белграде, который немедленно поставил в известность свое правительство; причем, управляющий министерством иностранных дел Сербии заявил итальянскому дипломату, что данный план уже встретил полную поддержку со стороны правительства России. В связи с этим Нератов дал указание Штрандтману в кратчайшие сроки поставить Спалайковича в известность о позиции России, всегда выступавшей против намерений Сербии следовать авантюрной и создающей угрозу международной безопасности политике, а также сообщить ему, что по сведениям, имеющимся у российского правительства, личность Эссад-паши в любом случае не может внушать доверия, ибо его поддержка может быть получена лишь путем выделения ему крупных денежных сумм, а в этом отношении Сербия не может составить конкуренции Австро-Венгрии, так же как и в отношении вооруженных сил — вне зависимости от сроков перевооружения австро-венгерской армии³⁸. Кроме того, по словам товарища министра, предание международной огласке тайных замыслов Сербии неминуемо вызовет «самое решительное осуждение со стороны всех держав, утомленных длительным политическим кризисом и стремящихся к водворению прочного мира»³⁹.

После получения данных инструкций Штрандтман ознакомил с их содержанием Спалайковича, который в ответ заявил, что «Сербия ни в каком случае не сделает опрометчивого поступка, который мог бы иметь губительные последствия, прежде всего, для нее самой, и что и впредь она будет вести политику строгого благоразумия»⁴⁰. Что же касается сообщений итальянского поверенного в делах, то, по словам Спалайковича, сербское правительство уже сделало официальные заявления здешнему итальянскому, а также австро-венгерскому представителям, что Сербия действовала и в будущем будет действовать лишь оборонительными методами, не имея намерения захватывать чужие территории и уважая постановления Лондонского

совещания. По мнению Спалайковича, выразившего российскому представителю свое глубокое сожаление по этому поводу, речь шла либо о недоразумении, заключавшемся в недостаточной информированности поверенного в делах Италии в Петербурге о миролюбивой позиции Сербии, либо о его сознательной попытке таким путем выяснить отношение самой России к албанской проблеме⁴¹.

Настоятельные советы осмотрительности в албанском вопросе, которые Россия не уставала преподавать Сербии, были во многом связаны с опасением возникновения на почве албанских дел нового сербо-болгарского конфликта, который, учитывая позицию великих держав, угрожал ввергнуть в военный пожар не только все Балканы, но и остальную Европу; ведь София проявляла по отношению к сербо-албанским отношениям все возрастающий интерес. Правящие болгарские круги этой страны вынашивали планы расквитаться за недавнее унижение во второй Балканской войне, полученное от сербов, и в этих целях были готовы использовать весь арсенал средств – от политико-пропагандистских до военных. По меткой характеристике российского историка М. А. Бирмана, «креваншистские настроения руководство страной подогревало с помощью беженцев с территорий Южной Добруджи, Македонии и Фракии, отошедших к соседним странам»⁴². А вследствие того, что действия Белграда осенью 1913 г. фактически привели к появлению в Европе единого антисербского фронта, угроза вовлечения Болгарии в новую войну становилась еще более реальной.

И в период Балканских войн 1912–1913 гг., и в годы первой мировой войны единственной политической силой, выступившей в балканских странах против войны как таковой – наступательной или оборонительной, освободительной или объединительной – стала социал-демократия, в первую очередь, болгарская и сербская. В феврале 1915 г. секретарь Центрального комитета Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов) представил руководству II Интернационала доклад, посвященный анализу происходящих событий. В нем, в частности, говорилось: «Европейскую войну мы встретили с верой, что братские страны во всех воюющих странах займут единственно верную и испытанную позицию – против войны. Увы, наши надежды оказались обманутыми. За двумя исключениями – в России и в Сербии – все остальные партии пошли за империалистами, обосновывая и объясняя свое поведение до того неизвестными для социализма аргументами. Это было печально для нас, однако не поколебало нашей отрицательной позиции по отношению к нашему правительству»⁴³.

А лидер Сербской социал-демократической партии в предвоенные годы Д. Тузович в своей увидевшей свет в 1914 г. книге «Сербия и Албания» дал

общую характеристику ситуации, сложившейся на Балканах, и на этой основе сформулировал задачи сербской социал-демократии в албанском и, шире, национальном вопросе. Он указал, что «Балканский полуостров является мешаниной наций с переплетенными историческими воспоминаниями»; вследствие чего взаимные территориальные претензии расположенных здесь государств (Сербии, Болгарии, Греции и других) находятся в непримиримых противоречиях друг с другом⁴⁴. Исходя из этого, автор делает вывод о том, что данные вопросы могут быть успешно решены лишь путем создания нового объединения балканских народов. Необходимость объединения диктуется также потребностями достижения ими экономической самостоятельности. Кроме того, и само «национальное освобождение балканских народов невозможно без объединения всех Балкан в один общий союз»⁴⁵.

Перспективы участия Болгарии в первой мировой войне оставались неопределенными вплоть до сентября 1915 г. Хотя статус побежденной стороны во второй Балканской войне объективно толкал Софию в объятия коалиции Центральных держав, симпатии к Антанте, отождествлявшейся в первую очередь с Россией-освободительницей, были сильны в болгарском общественном мнении, о чем свидетельствуют донесения российского посланника в Софии А. А. Савинского. 22 октября 1914 г. дипломат сообщал министру иностранных дел России С. Д. Сазонову: «Ко мне по несколько раз в день поступали и поступают письменные и устные заявления учреждений, групп и отдельных лиц с выражением самых горячих чувств государю императору и России, с предложением услуг добровольцев»⁴⁶.

В секретной телеграмме от 15 сентября 1915 г. А. А. Савинский в продолжение предыдущей телеграммы развил мысль о факторах, влияющих на внешнеполитическую ориентацию Болгарии: «Борьба с немецкой пропагандой в Болгарии, на что германской миссией тратятся колоссальные средства, является настоятельно необходимой»⁴⁷.

Однако российские усилия — как дипломатические, так и финансовые — не смогли достичь своей цели. Трагические для Болгарии итоги второй Балканской войны объективно делали невозможным ее нахождение в одном лагере с Сербией. Болгарский монарх сделал свой выбор, в конечном итоге в очередной раз оказавшийся гибельным...

Примечания

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 612.

² Подробнее см.: Историја српског народа. Шеста књига. Први том. Београд, 1983. С. 165–166; Историја на македонскиот народ. Т. II, Скопје, 1969. С. 326–327.

³ Први Балкански рат, Београд, 1959. С. 79, 83, 90.

- ⁴ Подробнее см.: *Искендеров П. А.* Балканские войны 1912–1913 гг. // В «пороховом погребе Европы» 1878–1914. М., 2003. С. 476.
- ⁵ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 592.
- ⁶ Там же. Л. 607.
- ⁷ *Сазонов С. Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 80.
- ⁸ *Фей С.* Происхождение мировой войны. Том I. М., 1934. С. 308.
- ⁹ История Югославии. Т. I. М., 1963. С. 657; *Rothert R.* Aus Albaniens Werdetagen. Balkan-Verlag G.m.b.H. Berlin, 1914. S. 3.
- ¹⁰ *Martel G.* The Origins of the First World War. London–New York, 1987. P. 63.
- ¹¹ *Skakun M.* Balkan i velike sile. Beograd, 1986. S. 277.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 278.
- ¹⁴ *Ђорђевић Д.* Излазак Србије на Јадранско море и конференција амбасадора у Лондону 1912. Београд, 1956. С. 11–12.
- ¹⁵ Документи о спољној политици Краљевине Србије. Књ. VI. Св. 3. Београд, 1985. С. 262.
- ¹⁶ Подробнее см.: *Храбак Б.* Арбанашки упади и побуне на Косову и у Македонији од краја 1912. до краја 1915. године. Врање, 1988. С. 33–38, 60–61.
- ¹⁷ Документи о спољној политици Краљевине Србије. 1903–1914. Књ. VI. Београд, 1985. С. 239, 253.
- ¹⁸ *Храбак Б.* Арбанашки упади и побуне на Косову и у Македонији од краја 1912. до краја 1915. године. Врање, 1988. С. 33–38.
- ¹⁹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530. Л. 254; Д. 531. Л. 346, 348.
- ²⁰ Документи о спољној политици Краљевине Србије... Књ. VI. Св. 3. С. 537; Документи о спољној политици Краљевине Србије. Књ. VII. Св. I. Београд, 1985. С. 335–336, 478.
- ²¹ *Батаковић Д.* Есад-паша Топтани и Србија 1915. године // Србија 1915. године. Београд, 1986. С. 305.
- ²² АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3341. Л. 370; Ф. Канцеларија. 1913. Оп. 470. Д. 113. ЛЛ. 370, 371.
- ²³ Документи о спољној политици Краљевине Србије... Књ. VII. Св. 3. С. 356.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ *Храбак Б.* Арбанашки упади и побуне на Косову и у Македонији од краја 1912. до краја 1915. године. Врање, 1988. С. 57, 60–61.
- ²⁸ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2091. Л. 31.
- ²⁹ Там же. Л. 35.
- ³⁰ Там же. Л. 45.
- ³¹ Документи о спољној политици Краљевине Србије... Књ. VI. Св. 3. С. 452–454.
- ³² *Храбак Б.* Арбанашки упади и побуне на Косову и у Македонији од краја 1912. до краја 1915. године. Врање, 1988. С. 52–64.
- ³³ АВПРИ. Ф. Канцеларија. 1913 г. Оп. 470. Д. 113. Л. 386.
- ³⁴ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530. ЛЛ. 168–170; Д. 531. Л. 367.
- ³⁵ Там же. Д. 530. Л. 170; Д. 531. Л. 349.
- ³⁶ Краткая история Албании. М., 1992. С. 251.
- ³⁷ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 352.
- ³⁸ Там же. Л. 358–359. Что же касается показателей, характеризующих Сербию и Австро-Венгрию в военном отношении, то к началу первой мировой войны кадровая численность сербской армии в мирное время составляла 52 000 человек, а союзной с ней Черногории – 2000 человек; в случае военной опасности их боевая численность могла составить 247 000 человек у Сербии и 60 000 у Черногорин. Численность же предвоенной армии, имевшейся в распоряжении

Австро-Венгрии, составляла 478000 человека, в случае начала военных операций ее командование могло поставить «под ружье» 1421250 человек. См.: Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918 гг. Том первый. Кампании 1914–1915 гг. М., 1938. С. 20–21.

³⁹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 358.

⁴⁰ Там же. Л. 362.

⁴¹ Там же.

⁴² Краткая история Болгарии. М., 1987. С. 306.

⁴³ Българска комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите, конференциите и пленумите на ЦК. Т. 1. София, 1957. С. 436–439.

⁴⁴ Туцовић Д. Сабрана дела. Књига осма. Београд, 1980. С. 104.

⁴⁵ Там же. С. 105.

⁴⁶ Международные отношения в эпоху империализма: Документы. Сер. 3. М.–Л., 1935. Т. 6. Ч. 1. С. 289.

⁴⁷ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3773. Л. 41.